

©1993 г. *

Ю.И. ДЕРЮГИН

СНОВА О ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ

ДЕРЮГИН Юрий Иванович — кандидат философских наук, сопредседатель Ассоциации военных социологов. В нашем журнале опубликовал две статьи (1980, №1; 1981, №4, в соавторстве).

Немного истории. Идея кардинальных перемен в армии и на флоте возникла в самом начале перестройки и была обусловлена тем, что Вооруженные силы к этому времени успели подойти к той опасной черте, за которой виднелись очертания их жесточайшего кризиса. Собственно, это касалось всей военной сферы. Однако негативные тенденции и процессы, буквально сотрясавшие «стройные армейские ряды», затрагивающие в определенной степени и ВПК, были тщательно закамуфлированы высшим генералитетом, а борьба с прогрессирующими «заболеваниями», загонявшимися внутрь армейского организма сводилась лишь к локальным мерам. Не выносить сор из избы было «хорошим тоном» в нашем Отечестве.

Тем не менее уже созревшие реформаторские силы в лице офицеров народных депутатов первой демократической волны, прогрессивно мыслящие ученые, политические и общественные деятели приложили немало усилий к тому, чтобы коренные изменения в оборонной сфере воплотились в реальность. Реформаторам удалось обратить внимание общества на узловые моменты военной реформы: осуществление всестороннего общественного (парламентского, гражданского) контроля над военной сферой; обеспечение полной гласности при постановке принятия военного бюджета; переход к профессиональной армии; четкое разделение функций и зон ответственности органов военного управления, создание гражданского Министерства обороны; формирование принципиально новой кадровой политики и системы подготовки офицерского корпуса; демократизация и гуманизация внутриармейских отношений; усиление социально-правовой защиты военнослужащих; радикальное обновление теории и практики военного строительства; организация структурной перестройки войск.

После августа 1991 г. появились надежды на то, что многие из перечисленных преобразований станут реальностью. Однако воз и ныне там, если не считать кое-каких частичных изменений, едва затеплившихся в российской армии. Например, законодательно признан и стал осуществляться контрактный способ комплектования, происходит реорганизация военных трибуналов в военные суды, предпринимаются попытки усилить социальную защиту военнослужащих. В общем можно утверждать, что извечное противоречие между требованиями времени и консервативностью мышления руководящей верхушки завело военную реформу в тупик.

Но пока «верхи» собирались превращать концепцию в конкретную программу, а последнюю — в реальные дела, реформировать стало нечего. Вооруженные силы разбрелись по национальным квартирам, И в самой России не были услышаны ни предостережения общественности о разложении и деморализации войск, ни призывы осуществлять радикальные преобразования пока не поздно. Небрежность, с какой впопыхах подобранной комиссией формировалось Министерство обороны России, способствовала тому, что реформа застряла на нулевом цикле.

Стержневые стратегические вопросы военной реформы были жестко монополизированы высшим генералитетом Минобороны, а выступления общественности по данным вопросам решительно пресечены; в армии грозными приказами и устными распоряжениями, в стране — созданием искусственного вакуума вокруг коренных изменений в оборонной сфере. Некогда активные газеты и журналы, остро освещавшие вопросы военной реформы, заметно приглушили свой голос.

А между тем запаздывание с глубинными преобразованиями в армии, сведение реформирования к клочкообразным, эпизодическим, поспешным мерам оборачивается для армии и флота настоящей трагедией. События, произошедшие на острове Русский, отнюдь не исключение из правила, а скорее, подтверждение его. Факты насилия над военнослужащими срочной службы, казарменный беспредел (морение людей голодом), организаторская беспомощность и полная безответственность командования учебного подразделения Тихоокеанского флота — зеркальное отражение того, что происходит во многих других частях и соединениях Вооруженных сил России. Вот несколько фактов. На Северном флоте за семь месяцев 1992 г. погибло 47 военнослужащих, зафиксировано 1245 случаев травматизма, требующего медицинского вмешательства. По данным исследований¹, 90% опрошенных офицеров морской

¹ Осуществлены Центром военно-социологических, психологических и правовых исследований Министерства обороны Российской Федерации в Московской, Свердловской, Новосибирской и Калининградской областях летом 1993 г. Опрошена 1 тыс. человек.

пехоты заявили, что в частях, где они служат, процветают издевательства, избиения и оскорбления со стороны матросов более ранних сроков призыва.

Специалисты Центра военно-социологических, психологических и правовых исследований МО РФ подсчитали, что офицеры младшего и среднего звена 34,5% своего рабочего времени тратят на несение службы в нарядах разного вида, 17,9% — на обслуживание техники, 23% - на хозяйственные работы и лишь 17,4% — на боевую подготовку. Вместе с потерей квалификации и профессионализма приходит мысль о собственной ненужности: 87% офицеров и прапорщиков заявили, что в последнее время у них преобладают чувства безразличия, тревоги, раздражения и взаимного недоверия. По данным, полученным Ассоциацией военных социологов, около 70% представителей офицерских собраний не верят в то, что социальный престиж армии в ближайшие годы будет расти. Потеря служебных и жизненных перспектив оборачивается массовой люмпенизацией офицерского состава, оттоком кадров, особенно элитных специальностей, молодежи. Вслед за переизбытком числа офицеров, вызванным выводом и сокращением войск, медленно, но неотвратимо надвигается кадровая катастрофа.

Основная причина тяжелейшего кризиса заключается в отсутствии целостной концепции создания новой армии.

Волонтаристские мотивы, стремление к кулачно-директивному способу решения проблем не ушли в прошлое: только за два месяца после создания Вооруженных сил Российской Федерации в войска было направлено 40 документов, призывающих «поднять», «усилить», «улучшить» военную дисциплину.

Подчеркивая мысль о том, что реформирование армии — дело всего общества, сошлемся на американский опыт. Напомню, что военная реформа в США (1972—1975 гг.) начиналась с целой серии фундаментальных и прикладных исследований, организованных Пентагоном. Шел настойчивый поиск ответов на возможные вопросы. В эту работу было вовлечено большое число специалистов, в том числе и гражданских. Затем вопрос долго обсуждался не только в самом военном ведомстве, но и широкими кругами общественности. Только когда все было выверено, Президент обратился в Конгресс со специальным посланием о военной реформе. И лишь после одобрения проекта представительной властью Пентагон приступил к его реализации. В ходе осуществления реформы пришлось вносить в нее немало корректив.

Слепое копирование чужого опыта — не лучшая черта любых реформаторов. Однако, внимательно анализируя коренные преобразования в военной сфере, ловишь себя на мысли: общая концепция безопасности страны и военной доктрины отсутствует.

Пожалуй, из всех преобразований в российской армии наиболее заметен частичный переход на контрактный способ комплектования. Сделан первый шаг к профессиональным Вооруженным силам, сделан неохотно, под давлением объективных обстоятельств. Об этом свидетельствует тот факт, что в нынешнем году потребность в личном составе может быть удовлетворена посредством призыва только на 13%. Из-за недобора в армии складывается катастрофическое положение, которое еще больше углубилось нынешней осенью, когда уволились со службы сразу два призыва. Массовый характер приобрело уклонение от службы. За 1992 г. таких «уклонений» насчитывалось более 30 тыс.

Разочарованное в призывниках военное ведомство не рискует применять репрессивные меры (в 1992 г. за уклонение к судебной ответственности привлечено 129 человек), боясь социального взрыва, да и не имеет на это морального права, так как не способно покончить с гибелью людей, издевательствами, травматизмом и т.п. Находясь в безвыходном положении, Министерство обороны с огромным опозданием вынуждено обратиться к добровольцам. Но оправда-

ют ли они надежды военного ведомства? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим результаты социологических исследований.

По мнению офицеров военкоматов и самих контрактников, определенная социальная база для появления добровольцев есть. Так считают 55% опрошенных. При этом у 80% желающих заключить контракт преобладают материальные мотивы, стремление обрести социальный статус; 60% заявили, что пойти в армию их заставляет безработица. Рассчитывать на качественное улучшение личного состава не приходится. Нынешняя организация открывает двери армии для бомжей, бродяг, представителей криминального мира. Уже сейчас командиры вынуждены многих добровольцев отправлять назад, еще до получения ими казенного обмундирования. Пополнение частей российскими «джи-ай» идет вяло. Ждать чего-то иного, когда отсутствуют принципиально новая система вербовки и реклама воинской службы (не открываются вербовочные пункты, не проведена кардинальная реорганизация военкоматов, не введена в действие система профотбора, не организована широкая информация об армии и т.д.), просто невозможно. Неслучайно, 90% опрошенных юношей призывного возраста и офицеров военкоматов указали на недостаток информации о контрактном способе комплектования. Между тем, 60% набранных добровольцев выразили неудовлетворенность денежным содержанием, 2/3 — жилищными условиями.

Рассматривая контрактный способ формирования, нельзя не сказать о таких драконских мерах, как невозможность сдать государственные экзамены курсантам, которые не пожелают заключить контракт, лишение их диплома, выплата (до 3 млн. руб.) неустойки теми, кто расторгнул договор после окончания вуза. В этих решениях нет не только ни грана демократии, но и малейшей толики прагматизма, даже просто здравого смысла — ведь специалист с военным дипломом может приносить пользу и на гражданке.

С введением контрактной службы возникает и новая система обязанностей, которая требует совершений другого правового подхода к регулированию отношений между начальником и подчиненным. Командир должен не только требовать от солдата выполнения обязанностей, предписанных уставами, но и выполнять свои, обеспечить ему необходимые условия для успешного прохождения службы. Двухсторонняя ответственность наступает сразу же после подписания договора. Готов ли командир в условиях развала и правового беспредела решить эту нелегкую задачу?

Необходимо устранить информационный вакуум о профессиональной армии, сформировать новую систему вербовки и рекламы воинской службы; отладить механизм материального и морального стимулирования ратного труда; пересмотреть профессиональную классификацию военных специальностей; ввести новые критерии профотбора, в том числе и относительно морально-нравственных качеств добровольцев; повысить социальный статус сержантского состава и т.д. Это только часть проблем, которые надо решить перед тем, как подписывать директиву о переходе на добровольный принцип комплектования.

Пробуксовывание военной реформы, непоследовательность и бессистемность ее осуществления оборачиваются для России негативными последствиями, прежде всего, падением социального престижа военных. Думается, излишняя робость и приверженность к устоявшимся образцам управления, не позволившие реализовать идею гражданского Министерства обороны, в значительной степени усложнили развязку многих военно-политических узлов как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Министру обороны сегодня гораздо чаще приходится быть политиком, дипломатом, чем военачальником. Многие проблемы оборонной сферы решались бы эффективнее при хорошо отлаженном механизме гражданского, контроля над Вооруженными силами ...

Представляется, что сущность, содержание и направленность военной реформы должны быть обусловлены оборонной политикой Российской Федерации, опирающейся на концепцию национальной безопасности государства. Взаимообусловленность этих важнейших элементов стратегического курса государства очевидны, без них нельзя сделать ни одного шага в реформировании военной сферы.

Что касается собственно военной реформы, то вслед за уточнением и корректировкой концепции важно осуществлять ее в рамках единой программы, состоящей из следующих блоков.

Первый блок, *военно-политический*, предусматривает новое наполнение самого понятия «вооруженная защита жизненно важных интересов российского демократического государства» и вытекающих отсюда функций, задач и целей Вооруженных сил. Сюда же должны входить вопросы, связанные с определением потенциальных военных угроз России, всей совокупности политических факторов, воздействующих на оборону государства. Решение этих и других проблем военно-политического характера призвано выявить саму сердцевину военной реформы.

Второй блок, *военно-экономический*, включает комплекс радикальных изменений в таких функциональных сферах военной системы, как планирование — программирование — бюджетные ассигнования; управление ресурсами; система военных закупок; формирование военных требований, запросов, соответствующих затрат и т.д.

Третий блок, *собственно-военное строительство*, предполагает переход к профессиональной армии и профессиональному резерву; четкое разграничение функций органов военного управления, реформирование организационно-штатной структуры войск; выработку основ стратегии, оперативного искусства и тактики боевых действий в новых условиях; создание системы обучения войск; обеспечение их морально-психологической устойчивости при действиях в экстремальных условиях и др.

Четвертый блок, *социально-правовой*, состоит из военно-правовой реформы, предусматривающей новую систему юридической службы и свод военных законов, уставов, положений, регламентов; государственные программы обеспечения социальной защищенности военнослужащих и т.д.

Пятый блок, *морально-психологический*, включает развернутую программу духовного развития личности в армии демократического государства, которую призваны проводить специальные службы (социологическая, психологическая, рекреации, религиозно-патриотическая, информационная, по связям с общественностью), институт заместителей и помощников командиров по работе с личным составом.

Под детально разработанные программы, объединенные в комплекс мер, следует подвести законодательную базу, идя к ней от содержания программ, а не наоборот.

Среди условий успешного осуществления военной реформы; осознание властными структурами этой важнейшей государственной задачи как перво-степенной; создание мощного интеллектуального потенциала — института реформаторов, способных разрабатывать узловые звенья военной реформы. К сожалению, сегодня патриотизм и профессионализм нередко вытесняются личной преданностью и клановой солидарностью.

Важно, чтобы каждый военнослужащий видел в реформе возможность удовлетворить собственные материальные, профессиональные и духовные интересы. Реформа может иметь успех только тогда, когда будет опираться на широкую социальную базу.